

16+

Евгения Черноусова

**Поминки по
уходящему году**

Евгения Черноусова

Поминки по уходящему году

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64089091

SelfPub; 2021

Аннотация

Череда несвязанных между собой событий: авария, болезнь, завещание – и в результате два преступления и, возможно, свадьба.

Содержание

День 1-й. 29 декабря. Гости съезжались в общагу...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгения Черноусова

Поминки по уходящему году

«... случившаяся 28 декабря авария на ТЭЦ. В домах Московского района до сих пор холодно. Директор ТЭЦ Александр Севастьянов заявил, что тепло подаётся к домам с 30 числа в полном объёме, и управляющим компаниям следует искать причины в собственных коммуникациях. Мы посетили несколько домов по улице Фестивальной, и, по словам жителей, ни в одном из них дежурная бригада не побывала.

А теперь к криминальным новостям: полицейские задержали подозреваемого в убийстве. В то время, когда мы с вами, кутаясь в шубы, украшаем ёлочку и готовим салат «Оливье», а коммунальщики не спешат ликвидировать свои огрехи, сотрудники правоохранительных органов работают круглосуточно и раскрывают преступления по горячим следам.

В ночь на 31 декабря в городской отдел полиции № 6 обратились жильцы дома по проспекту Жукова с сообщением о том, что на лестничной площадке лежит труп мужчины со следами насильственной смерти.

Сотрудники уголовного розыска опросили всех жильцов дома, установили свидетелей и нашли орудие преступления

в одной из квартир. Пытаясь скрыть свою вину, преступник уничтожил отпечатки пальцев и следы крови на предмете, которым был нанесён роковой удар, и подкинул его соседям. Но ему не удалось запутать следствие. Вопреки мнению обывателей, что полиция хватается за первую подвернувшуюся версию, следствие не попыталось задержать невиновного, а скрупулёзно исследовав обнаруженные улики, вышло на след истинного виновника. Буквально через два часа в том же доме задержали подозреваемого. Фигурант признал вину.

В ходе следствия было раскрыто ещё одно преступление. По неподтверждённым пока слухам речь идёт о хищении на сумму два с половиной миллиона рублей.

И о погоде...»

День 1-й. 29 декабря. Гости съезжались в общагу...

Ольга Анатольевна

Вдрызг разругалась с невесткой. Корова яловая, за десять лет брака внука ей не могла родить! Были у Витеньки бабы получше. И что он в ней нашёл? Вот лежит теперь в Гематологическом центре, неродственного донора ждёт.

– И что бы изменилось от того, что я бы родила за эти десять лет, – хриплым сорванным голосом крикнула Вера. – Несовершеннолетние не могут быть донорами!

– Ну, обошли бы как-нибудь закон, – поглядела на неё с презрением Ольга Анатольевна.

– То есть чтобы спасти вашего кровиночку, я должна была бы отдать на запчасти свою кровиночку? – изумлённо спросила Вера. – А я думала, всякие детективы про чёрных трансплантологов – это просто страшилки. А оказывается, моя свекровушка готова пройтись по всей Москве Джеком Потрошителем, чтобы этого потасканного кобеля возродить!

– Как ты смеешь такое говорить о муже!

– А как он смел по бабам ходить все эти десять лет. Да ещё врать вам, что я родить не могу, – равнодушно ответила ей Вера. Похоже, окончательно выдохлась. – Родить-то я могу даже сейчас. Только не от Витьки.

– Что, несовместимость? – тоже спокойно поинтересовалась свекровь.

– Да нет, азооспермия.

– Ты врёшь! Этого не может быть! У него был ребёнок!

– Да ну! Мальчик или девочка? Где это сокровище князей Редькиных? Что же у одра благородного отца не рыдает? А баба Оля с рук не спускала, подарками задаривала, – откровенно издевалась над свекровью Вера.

– Да! Лялечкин ребёнок! Он нас спасёт! Я немедленно выезжаю в Ефимовск!

Ольга Анатольевна хрястнула дверью. Прислушиваясь к тому, как собираясь, свекровь швыряет вещи, Вера молитвенно подняла глаза к потолку: «Господи! Неужели уедет? Неужели впервые за десять лет я проведу Новый год без нерво-трёпки? Встречаешь с подругами – этот кобель лезет им под юбки; узким семейным кругом – свекровушка язвит и зудит; если эту суку старую чёрт унесёт, так Витя норовит сбежать к какой-нибудь очередной своей шлюхе. А теперь и Витя на приколе, и мать его... да мать вашу! Нет, когда я, наконец, созрела для расставания, он заболел. И теперь порядочность... нет, не буду врать себе, просто правила приличия не позволяют их разогнать к чёртовой матери! Ну, хоть Новый год проведу в покое! Никуда не пойду: ни к друзьям, ни в ресторан! Две бутылки шампанского и коробку ассорти... и мандарины! Упьюсь в хлам шипучкой!»

Когда входная дверь захлопнулась, Вера почувствовала

восторг. А ещё какое-то неудобство. Ну что, что не так?

Только к вечеру в своих чувствах разобралась. Ясно же, свекруха двинется как танк в поисках донора для своей кровиночки. Эта мерзкая тварь ворвётся в чужую семью и разрушит её как ураган! В стерильности мужа Вера не сомневалась, четыре года назад она заставила его пройти обследование после того, как досконально обследовалась сама. Но для матери это не аргумент: как яро она отрицала в своё время беременность девушки, которая желала окрутить этого ефимовского козла, так же неистово она теперь будет настаивать на отцовстве Витьки, когда донор потребовался. Ничего, конечно, не подтвердится, но у ребёнка наверняка есть официальный отец; возможно, он считает его родным. И вот она, бабушка: «Целуйте меня, я с поезда!» Ефимовск – городок небольшой, эта Санта-Барбара станет известна всем. Бедный, бедный ребёнок!

Потом подумала: а что Новый год? Через три дня? Пусть для меня он наступит раньше! Уйму-ка я голос совести! И откупорила шампанское. Через пару часов очнулась от крика политических экспертов и неприятной тяжести в желудке. Нажала на пульт и поползла в спальню.

Утром встала в одиннадцатом часу. Охнула, взглянув на отражённые в зеркале опухшее лицо и волосы сосульками, и закрылась в ванной. Только через час взялась за телефон и обнаружила кучу не отвеченных звонков. Из клиники. Витя! Вот вчера злилась, что правила приличия не поз-

воляют ей расстаться... а теперь всё бы отдала, чтобы это было только сном. Проревевшись, взялась за телефон. Свекровь недоступна. Тётке позвонила. Та заохала, обещала что надо в церкви заказать, продиктовала телефон ритуальной службы. На работу Витину сообщила. Выразили сочувствие, предложили помощь. Подружкам двум позвонила, попросила остальных оповестить. Периодически свекровь набирала, она всё ещё оставалась недоступна. Только к вечеру в клинике получила Витин телефон, и там нашла пару ефимовских номеров. Позвонила по ним. Они и Витю-то с трудом вспомнили, но посочувствовали, обещали Ольгу Анатольевну поискать.

Игорь

– Вот ведь кому везёт, тому всегда везёт, – врываясь в дом, воскликнула жена. – Тётка твоя богатенькая... нет, ты слышал? Наследство получила!

– Это какая тётка, Вика, что ли?

– Ну да! А что, у тебя ещё тётки есть?

– Ну, есть, наверное, но мать только с этой не ссорится, она больная и бездетная, вдруг от неё наследство обломится...

– Слушай, так может, получится в это наследство влезть? Расспроси мать, как там что.

– А ты чего ж сама не узнала?

– Стала бы твоя мамаша мне что-то рассказывать! Если нужен кто ей, сладка до приторности. А со мной она только

матом. Убила бы интриганку старую!

Игорь, конечно, ей попенял, что нельзя так о матери. Но в глубине души согласился: мать – зараза ещё та. Позвонил сам. Спросил. Мать нудно стала объяснять родственные связи. Тётю Таню ту покойную Игорь знал чуть ли не лучше Вики, когда они в Ефимовске жили. Мать частенько подкидывала его одинокой соседке. Оказывается, роднёй они не были. Вика – та да, матери она двоюродная сестра, хоть и моложе её лет на двадцать, матери их – сёстры родные. А тётя Таня Вике по отцу сестра двоюродная. На неё она завещание оставила. Собственно, а чему там наследовать? Была она библиотекарем, зарплатка копеечная, дом её был неблагоустроенный, на три семьи. Помнится, печку они топили, когда приходили из библиотеки, где Игорь после продлёнки отсиживался в ожидании конца рабочего дня. Ещё, помнится, одноклассница Юлька там в читальном зале отиралась, её мать тоже библиотекарем была. Одно время тётя Таня их обоих домой вела... кстати, а почему? Кажется, мать Юлькина в больнице лежала... или уезжала куда? Да, Игоря-то вечером мать забирала, а Юлька оставалась. Наверное, добрая тётя Таня была, мать ведь ей не платила за пригляд. Надо сказать, довольно скучно у неё было. На работе книги, дома книги. Дома были и новые книги, но, в основном, старые. Обложки такие пятнистые мрачные, типа обоями поклеенные. Дешёвка. С внутренней стороны обложки квадратик такой с ятями и ерами «Из книг кн. А. Ишеева». Ча-

сы настенные мрачные, били так громко. Фигурки какие-то пыльные. Посуда ещё древняя. Супница запомнилась. Такая фарфоровая овальная кастрюля с витыми ручками, фигурной крышкой и на блюде. Причём блюдо неразъёмное с дном кастрюли. Это тётя Таня говорила, что супница, а сама-то в ней катушки и мотки для вязания хранила. Но, говорят, старина сейчас в цене. И, кстати, ... надо погуглить. Ой, да ни фиги себе! Снова мать набрал. Она отозвалась уже с недовольством. Спросил, что же такое ценное унаследовала Вичка, если квартирка маленькая да в неблагоустроенном домишке. На счету миллион?

– Вспомнила старушка свадьбу, – фыркнула она в ответ. – Когда это она в неблагоустроенном жила! Танька-то, как на пенсию вышла, из Ефимовска уехала. Её дом историческим признали и стали жильцов расселять. Музей там уж лет десять как. А она взяла деньгами и в областном центре квартирку купила. Так что Вике нехилый кусок достался. В Новогорске однокомнатная квартира миллиона два стоит!

Он взволнованно походил, потом решился и набрал Вичку. Она отозвалась как всегда весело, хотя, как оказалось, в больнице лежала:

– Ты, Игорёк, от моих щедрот ничего не ожидай. Я на медицину трачу больше, чем ты на баб.

– Да что ты, Вичка. Я так... мы с женой планировали в большой город переехать. Вот, думал прицениться, сколько квартирка стоит.

– Ну, Танина не из дорогих. Это общежитие.

– Что, комната?

– Нет, квартира. Но коридорного типа.

– И за сколько ты её планируешь продать?

– Не знаю ещё. Я собиралась съездить туда. Тридцатого сорок дней, соседи соберутся. Но не получилось.

– Вика, а нельзя на неё взглянуть? Я завтра в Новогорске буду.

– Да пожалуйста! Там чудесные соседи, они тебе всё покажут и расскажут. Но, сам понимаешь, в наследство я вступлю только через полгода. И стоимость квартиры будет такой, какие на рынке установлены. Адрес сейчас скину.

Жена смотрела вопросительно, но молчала. Он раздражённо сказал:

– Ну, что глядишь? Могу я съездить развеяться, если наследство мне не светит?

Дмитрий

– Девушка, не подскажите, где тут сумасшедший дом?

Маленькая пухленькая тётенька, к которой Дмитрий обратился, дёрнулась. Вместе с ней дёрнулись набитые продуктами пакеты в её руке. Ручка одного оторвалась, и в снежно-песчаное месиво на тротуаре плюхнулась курица и ещё какое-то целлофановое полено.

– Ну, гадство, – всхлипнула тётенька и перехватила пакет в две руки. Пакет стал расползаться и упал на тротуар, оставив в её руках тоненький обрывок.

Дмитрий прижал автомобиль к тротуару и вылез помогать. Поднял, придерживая за дно, оборвавшийся пакет, огляделся и приткнул его к стволу дерева. Запачкав окончательно руки о курицу и целлофановое полено, оказавшееся смёрзшимися рыбинами, положил их сверху и пробормотав: «Сейчас пакеты принесу», кинулся к ларькам у автобусной остановки. Когда вернулся, тётенька, стоящая к нему спиной, вытирала руки салфетками, которые подавал ей Ванька, бросивший машину и даже не закрывший дверцу. Рывкнув на Ваньку: «В машину, живо!», он расправил первый пакет, сунул ей в руки и стал укладывать в него продукты. Оставшиеся сложил во второй пакет и оглянулся в поисках урны, чтобы выкинуть рваный пакет. Ванька, и не подумавший вернуться в машину, взял у него из рук ношу и протянул пачку с салфетками. Потом забрал оставшиеся пакеты из рук тётеньки, дав ей возможность достать из сумки упорно называющийся телефон.

– Алло... да. Мне сейчас не очень удобно разговаривать... да знаете, стою, можно сказать, на четвереньках на проспекте Жукова. Сумка порвалась, продукты в грязь попадали. Да, учителя, как и все люди, в свой выходной отовариваются в магазинах. И поминки у них бывают, нечасто, к счастью. Вы, наверное, биатлон смотрите? Если можете перезвонить через две рекламные паузы, я дойду за это время до дома и с удовольствием с вами пообщаюсь, – тётенька, оказавшаяся не слишком привлекательной и полноватой, но довольно

молодой девушкой, сунула во внешний кармашек сумки телефон и сказала, обращаясь к Дмитрию. – Спасибо, добрый человек. Вы психоневрологический пансионат спрашивали? Если по прямой, то тут минут десять ходу. Вон, за деревьями, видите серое здание? Но на машине, наверное, вам долго придётся добираться. Не знаю, где вы сможете развернуться. Этот сквер, он посередине улицы. Когда удастся развернуться, не пропустите поворот. Там одностороннее движение, стрелка такая на нашу развилку указывает.

– Там где-то рядом общежитие. Сестрица моя туда в гости должна приехать...

Девушка уставилась на него. Потом перевела взгляд на Ваньку:

– Господи! Неужели Юлька? Юлька Землянская?

– Как вы догадались?

– Вы все очень похожи. Господи, Юлька! Первая хорошая новость за этот гадский год!

Его необщительный сын, преданно глядя на девушку, сказал:

– А давайте мы вас довезём! А вы нам дорогу покажете!

– Да не знаю я, где сворачивать. Но ладно, поехали, – засмеялась она.

И они поехали. Пока удалялись от торгового пятачка, с которого они её подобрали, девушка, представившаяся Людмилой Павловной, скороговоркой объясняла особенности рельефа этой местности: через дорогу напротив торго-

вого пятачка – подковообразный холм, носящий в народе название «Нашлёпка». В далёкие послевоенные времена в этом зелёном пригороде был построен противотуберкулёзный санаторий. Проспект Жукова был тогда трассой Новогорск-Уремовск. Само здание санатория было построено в центре внутренней части этой подковы, а перед ним был разбит парк. Город рос, вдоль дороги строились жилые дома, и даже на Нашлёпке стали строить пятиэтажки. В нулевых ещё две девятиэтажки на верхушке возвели. В конце восьмидесятых стало понятно, что санаторию здесь не место. И его закрыли. А поскольку для психоневрологического пансионата здание было великовато, город переделал верхний этаж под семейное общежитие для бюджетников. Оставить парк для полсотни психов и трёх-четырёх десятков бюджетников и членов их семей – не жирно ли будет? И построить банк, торговый центр или жилой комплекс вместо зелёной зоны в свете актуальности экологической темы тоже не комильфо. Вот и перенесли ограду к зданию, проведя по внутреннему контуру «подковы» дорогу. Таким образом город получил парк, носящий официальное название «Сквер на проспекте Жукова», а в народе получивший кличку «Тубик».

Тем временем они добрались до кольца и смогли наконец-то развернуться. На удивление разговорчивый сегодня Ванька рассказал попутчице, что они были с Юлькой в гостях у родственников в Ефимовске, сегодня приехали в Новогорск и ссадили Юльку у драмтеатра, а сами поехали за-

селяться в гостиницу. А там их встретило объявление, что отопление не работает. И соседняя гостиница тоже! И по телефону им найти место в других гостиницах не смогли.

– Да, – подтвердила Людмила Павловна. – Вчера случилась авария на ТЭЦ. Весь Московский район замерзает. Спасибо, что мороз слабый. Мы вчера новогодний вечер старшеклассников через два часа свернули. Сначала было ничего, а потом зал резко вымерз.

– А дома как же?

– Мы на границе Южного с Московским районом, нас другая ТЭЦ обслуживает. Ещё две пятиэтажки за нами отапливаются, а на холме все дома мёрзнут. Чума! Кто мог, в гости уехал. Семьи с младенцами в профилакторий Шинзавода пригласили. Но к утру обещали подачу тепла восстановить. О, ворота открыты! Заруливайте на стоянку.

От ворот дорога подымалась вдоль торца здания и заканчивалась за домом квадратной площадкой, окружённой каменной кладкой, не дававшей осыпаться земле со склонов. Дмитрий свернул на единственное свободное место в дальнем углу, но над площадкой тут же возник какой-то тип и стал орать и размахивать руками. Спускавшийся по ступенькам от дома худой мужчина с красноватым лицом, какое бывает у сильно пьющего, сказал:

– Не связывайся с Генеральным секретарём, Люсенька. Я сейчас отъеду, ставьте на моё место. Гости?

– Это Юлькины родственники, Володя.

Володя руками всплеснул:

– Юлька приехала? Может, останемся, Маша?

Толстая Маша выглянула из-за поднятой крышка багажника сказала:

– Люсь, ты видишь, с кем я связалась?

– Очень удобный кавалер. Сначала до дурки доведёт своим непостоянством, потом сам же тебе мозги починит.

Володя хихикнул и протянул Людмиле Павловне связку ключей:

– На, до десятого можешь постояльцев пускать. Заодно и приберёшься.

– У, эксплуататор!

Володя уехал, они переставили машину на его место, надо сказать, неудобное, на склоне. Поднялись по ступенькам и очутились перед входом. На стене на табличке адрес: проспект Жукова, д. 63. Дмитрий возмутился: эта безответственная Юлька даже не помнила адреса, по которому прожила несколько лет! Сказала: «Номер не то двадцать шесть, не то тридцать шесть... ну, найдёшь. Там напротив сквер, торговый центр. Двухэтажный дом за ажурной железной оградой. На первом этаже психушка, а на втором – бюджетная общага. Ни-ни, никакой гостиницы! Ты что, ребята обидятся! Будем кутить всю ночь и вспоминать годы молодые! Так что вы с Ванькой заказывайте гостиницу только на себя!» И к тому же дом оказался трёхэтажным!

– Не трёхэтажный он, загляните за угол.

Ванька спрыгнул с крыльца и добежал до угла:

– Пап, а здесь два этажа!

– Ну да, дом ведь на склоне. С фасада цокольный этаж выглядит почти полноценным надземным.

Ворота уже были закрыты. А в калитку входила женщина с коляской и махала им рукой. Людмила Павловна помахала ей в ответ и крикнула:

– Я жду, я жду, Шурочка! Не спеши, – заглянула в коляску и засмеялась. – Не спишь, сержант Семёнов? Здравия желаю!

Младенец зашевелился и заворковал: «А-а-а». Рыженькая Шурочка возмутилась:

– Люська, ну почему он тебе всегда радуется? И Ваське тоже? А со мной только капризничает!

– Отца он редко видит и радуется новизне. А ты для него привычный и родной пейзаж. А мне он не радуется, а заискивает. Чувствует, что в школе будет хулиганом и двоечником, вот и наводит мосты. Да, сержант Семёнов?

– А-а-а...

– Он согласен! Зачем я тебя родила, Серёжка? Я же девочку хотела! Она бы у меня отличницей была!

Переругиваясь и пересмеиваясь, они втроём понесли коляску по лестнице. Сзади Ванька тащил пакеты и заглядывал в коляску. Кажется, ему тут все и всё нравилось. Если честно, Дмитрию тоже нравились эти простые смешливые девочки и круглолицый глазастый младенец, которого сосед-

ка почему-то звала сержантом, и общага эта начиналась нравиться. Они поднялись в большой холл с плиточным полом, какие обычно в больнице бывают... тьфу, это ведь и есть бывшая больница! И дальше широкий коридор с дверьми по обе стороны. Шура с коляской остановилась у первой двери, где-то в середине коридора Людмила Павловна открыла дверь и пригласила их зайти. Почти следом за ними заглянула какая-то любопытная старуха, которая, косясь на незнакомцев, стала хвалиться, какой удачный у неё получился холодец. «Ну так тащите, тётя Зоя, это Юлины родственники, их накормить надо, – ответила Людмила Павловна, выставив кастрюлю на плиту. – Я их у Володьки поселю, пойду приберусь, а вы пока пообедайте с ними». И старуха навязчиво потчевала их, расспрашивая о Юльке и о них самих. И его не очень контактный сын, смеясь, отвечал на её вопросы и не отказывался от добавки. А потом вернулась хозяйка квартиры:

– Ну всё, можно заселяться! У вас ведь голова болит, да? Идите поспите, а Ваня тут с нами будет тесто месить. Проснётесь – приходите чай пить!

Когда Дмитрий проснулся, он не сразу вспомнил, где находится. В комнате с не зашторенным окном было довольно темно. Он подошёл к окну. За ажурной оградой иногда пролетали машины. А дальше на проспекте за стволами голых деревьев переливался огнями непрерывный поток машин. Над кронами деревьев светились окна далёких высо-

ток. Дмитрий включил свет и взял в руки телефон. Шесть вечера. Юлька не звонила. Набрал её. Вне зоны. Господи, ну что за человек!

В квартире Людмилы Павловны Ванька валялся на диване и смеялся на маленького Серёжку, который пытался через него переползти. Мать малыша и хозяйка квартиры стучали ножами по разделочным доскам, измельчая варёную курятину, а какая-то мелкая лохматая особа с перевязанным глазом разделявала рыбу и поучала ещё одну праздно сидящую гостью:

– Реня, нельзя так унижаться! Ушёл и ушёл! Почему ты позволяешь ему время от времени появляться со своим самурайским мечом, который он неизвестно куда совал, и даже без ножен...

– Даша, – прикрикнула на неё Людмила Павловна. – Здесь дети!

– А, дети! Один ещё ничего не понимает, другой уже всё знает!

– Я сказала, прекрати! Вот, дамы, знакомьтесь, это Юлькин брат, Дмитрий Михайлович...

Одноглазая сначала вскинулась кокетливо, потом, наверное, вспомнив о своём непрезентабельном виде, снова ссутулилась над разделочной доской и сказала с досадой:

– Да брось ты, Люська, эти китайские церемонии! Мы тут не в гимназии твоей, а в общежитии! Как вас, Дима или Митя? Дима? Вот и прекрасно! А мы – просто Даша, Люся, Шура

и Реня.

– Как голова, получше? Сейчас чайник поставлю, – встала Люся.

– Я за Юльку тревожусь, – сказал он, зайдя за ней на кухню. – Телефон весь день недоступен.

– Ну, во-первых, она в театре. Сегодня у них премьерный спектакль. Потом они засядут в буфете и будут спорить о прекрасном, то есть Юлька будет громить актёрские и режиссёрские неудачи. Принцессу там играет нынешняя прима Лика Полторак, поэтому грома будет много. Потом Юлька будет нагло клеить нынешнего фаворита примы. А кто у нас фаворит, Даша?

– Гарик, – засмеялась Даша.

– Ну, слава богу, совершеннолетний. Значит, что у нас потом? В зависимости от исхода поединка они перемещаются или в кабак, или на хату. Так что дай бог, если завтра к обеду здесь появится. Ваня, ты обиделся? Но ведь Юлька – она такая, и другой не будет. Тётя Таня знаешь, как её звала? Тучка золотая.

– И что?

– Ох, поколение! Залезь в интернет, прочитай Лермонтова. Дима, не волнуйтесь, попробую через театр с ней связаться... о, господи, а я думаю, чего это мне отец Гаранин не перезвонил. А у меня, оказывается, телефон сел. Давайте почаёвничаем, пока телефон на подзарядке.

Чаепитие тянуло на полноценный ужин. Ванька, несмот-

ря на то, что обиделся за Юльку, сметал со стола всё подряд. Да и остальные на аппетит не жаловались. Кроме сухощавой брюнетки со странным именем Реня, которая сидела над чашкой, подпершись рукой. Дмитрий поглядывал на неё и гадал, как её полностью зовут: Рене? Рогнеда? Революция? А может. Ирен?

Толстушка Люся с состраданием поглядывала на подругу, а потом просияла, вскочила, покопалась в шкафу и сунула ей в руки какой-то буклет: «На, дарю!»

– Что это?

– Путёвка в санаторий «Лесной». С тридцатого по восьмое. Сразу предупреждаю: это не то, что тебе Дашка рекомендовала. Ни крепких парней-нефтяников, ни пузатых, но богатых банкиров там не будет. Но будет новогодний банкет. Отдыхают там преимущественно дамы среднего возраста, средней упитанности и среднего достатка. Мне ехать не хочется, потому что поездку организовала группа пожилых учительниц из нашей школы. Они и путёвку мне навязали. Жизни не дадут, будут всяких женихов приискивать. А тебя они не знают. Будешь есть, пить, отсыпаться, гулять по лесу. Если спортом заняться – пожалуйста! Бассейн каждый день. Видишь, есть прокат лыж, саней и коньков. Ну?

– У меня дежурство четвёртого в ночь...

– Попроси, чтобы кто-нибудь заменил! И не говори, что неудобно, на тебе вся больница ездит! Во, звонок! А я-то ещё думаю, что-то удивительно, что никто не беспокоит...

главный? Вот и скажи, что уезжаешь в Париж!

Главный просил срочно выйти сегодня в ночь, а Реня потребовала, чтобы за это кто-нибудь заменил её четвертого. Дальше началась женская суматоха со сбором вещей, примеркой с последующей демонстрацией и сетованиями по поводу отсутствия времени, чтобы в парикмахерскую сходить. Вещи она брала с собой, чтобы с дежурства – и сразу на автобус. Дмитрия немного стала раздражать эта Люсина готовность услужить всем, вон, даже деньги за путёвку взяла после долгого отнекивания. Но перед тем, как Рене уйти, она вдруг сурово сказала:

– У меня непеременимые условия. Во-первых, чтобы в твоей квартире не оставалось ни копейки! И не возбуждай, что твой Валерочка честный человек. Честный человек не уехал бы от тебя на машине, кредит за которую тебе ещё платить и платить! А теперь ещё его фее надо колечко на Новый год дарить. Он не то, что украдёт, он займы возьмёт. Но потом не вернёт. Последний платёж по кредиту опять ты платила? Ведь не отдал? Во-вторых, не рассказывай никому, что ты врач, а то затаскают по свиданиям, где вместо интима будут пытаться тебе свой геморрой показать. В-третьих, телефон сдать! Маму предупреди, что на праздники позвонить не сможешь – и давай его сюда. Для связи возьмёшь тёти Танин.

– Покойницы?

– И что? На случай, если что-то экстренное, я могу тебе на

него позвонить. И номера наши там есть. А вот твоего Валерочки нет. И мамочки его бессовестной, и сестрицы наглой. Возьми тайм-аут, приди в себя!

Реня вздохнула, бросила сумку и ушла. Через пару минут вернулась со свёртками:

– На. Это деньги, спрячь. Телефон. А это я к сорока дням портрет тёти Тани сделала. С чёрной ленточкой. Поставишь в холле на полочку.

Люся обняла её на прощание и повернулась к Дмитрию:

– Так, начнём облаву на Юльку.

Она обзвонила работников театра, которые по долгу службы находились вне зала: гримёршу, костюмершу, вахтёра. Они ей выловили актрису, не занятую в нынешнем спектакле и вышедшую из зала, чтобы позвонить. Почему-то она не желала выдёргивать Юльку из ложи. Люся терпеливо объясняла, что родственники волнуются. Не очень толковая собеседница стала, видимо, выпрашивать, что за родственники. Люся засмеялась:

– Мне прямо при нём его описывать? Ну, если кратко, на ум приходят почему-то слова: «Уж ты гой еси, добрый молодец»... нет, Наташа, вряд ли тебе обломится, добрые молодцы предпочитают шамаханских цариц, таких брюнеток с раскосыми глазами.

Ванька прыснул, вспомнив Димину последнюю подругу Аллу Исмаилову. Отец показал ему кулак. Но тут Юльку всё же выдернули из зала, и она наконец-то включила телефон.

Легкомысленная сестрица прощebetала, что у неё всё в порядке, что вернётся нескоро, потому что ей крайне важно пообщаться с коллегами. И, не слушая его упрёков, снова отключилась.

– Пошли спать, Ванька, – сказал он сыну. – Дураками мы были, что сорвались из дома с этой вертихвосткой. И в Ефимовске мы были никому не нужны, и здесь могли на улице оказаться, если бы не добрейшая наша Людмила Павловна. Утром уедем, а то дома ещё ёлки нет.

– Людмила Павловна, а что значит «гой еси»? – продолжал веселиться мальчишка.

– На то несколько толкований имеется. Лично мне нравится еврейский вариант. На иврите «гой» значит чужой. То есть баба-яга говорит проезжему молодцу: «Знать я тебя не знаю, поэтому интересуюсь, какого лешего ты в нашем лесу делаешь?»

– Вы, наверное, литературу преподаёте?

– Нет, физику.

Владимир

Машина остановилась. Владимир Сергеевич сунул папку со сметой на реконструкцию второго цеха и вылез из машины, кивнув Никите:

– До завтра!

– А...

– Ты хочешь сказать, что завтра суббота? Так мы сегодня практически не работали. С тридцать первого – длинные ка-

никулы, а завтра рабочая суббота. Если зарез, решай с гаражом.

Когда он разувался в прихожей, из зала выплыла мать:

– Господи, где-то в лесу медведь сдох! Два часа – а ты уже дома!

– Мам, а поесть можно?

Он хлебал суп и думал о том, как уговорить главного инженера не уходить на пенсию хотя бы ещё год. И на чью сторону встанет на завтрашнем совете Каретников. И о том, кого посадить на место помощника вместо Тамары Ивановны, которая так некстати потребовала очередной отпуск. Звуковым фоном была патетическая речь матери о плохой учёбе Славы.

– Может, отвезти его к Лиле на каникулы? – перебил он её.

– Володя, ну как ты можешь?!

– А что? У меня времени практически не будет. Что ему одному тут париться?

– А меня ты уже за человека не считаешь?

– Ну, мы с тобой ископаемые для пацана. А у матери муж молодой, ребёнок маленький. Может, они ему более подходящая компания?

– К этой... шалаве, – мать воздухом захлебнулась.

– Ну зачем ты так? Ведь мы по моей вине разбежались.

– Она ребёнка бросила!

– Не бросила, мы с тобой ей его не отдали. А может, зря?

Слава!

Сын нога за ногу выполз на кухню:

– Чего?

Владимир Сергеевич вздохнул: очки, покатые плечи, пухлость какая-то младенческая. Был бы ботаник, так он и учится неважно.

– Слав, может, тебя к матери отвезти на пару дней?

– Не, я разговаривал с ней сегодня. Соня сильно болеет, ей не до меня будет...

– Так... чем думаешь заняться?

– Да ничем особенно... ну, завтра мы в цирк идём... ну, классуха ведёт...

– А потом?

– Ну... дома посижу...

– Ох, ну... иди.

– Володя!

Владимир Сергеевич спохватился:

– А... вот бабушка жалуется: учишься ты плохо.

– Ну...

– Короче, – раздражённо шлёпнул он по столу рукой. – Дневник покажи!

Слава медленно перевёл взгляд на бабушку. Взгляд был отнюдь не добрый. «Зря мать так, – подумал Владимир Сергеевич. – Вот и на меня она так же отца натравливала. А в результате я их обоих не любил. И Слава меня любить не будет».

Сын принёс дневник. Подал аккуратно в руки даже с вызовом каким-то. Владимир Сергеевич полистал.

– Так, полугодие. Две тройки. Ну, это не так уж плохо... но алгебра и физика! Главные же предметы!

– Для кого главные?

– Для всех!

– Для будущих инженеров! А для... ну, писателей, историков... врачей там... в общем, не для всех!

– А кем ты хочешь стать? Писателем?

– Ну нет! Я вообще ещё не решил.

– Ладно, фиг с ними со всеми! Ты не обижайся на нас, сынок, мы же волнуемся за тебя. Уроков нет сейчас, отдыхай, делай что хочешь. После каникул тогда, может, репетиторов тебе нанять? Вот по физике. Может, попросить твою учительницу с тобой дополнительно позаниматься? Даже странно, я помню, она тебя хвалила и даже обнимала!

Где-то с месяц назад Владимир Сергеевич заезжал к директору гимназии по спонсорским делам. А потом зашёл в кабинет физики, чтобы забрать с собой сына. Урок уже закончился, почти все разошлись. Человек шесть толпились вокруг учительского стола и смеялись. А учительница, такая простоватая молодая женщина с лишним весом, приобняв Славу, говорила мальчику, стоящему напротив: «Ну, не ожидала! Меня сегодня Томин и Гаранин порадовали. Жаль, что ты так быстро с доски стёр, Витя. Я бы Славин рисунок сохранила как иллюстрацию о научном озарении». А хоро-

шенькая ученица трясла телефоном: «А я сфоткала, Людмила Павловна! Перекинуть?» Удивительно, что Слава не выдирался из объятий, как обычно с домашними бывало, а стоял, как-то нелепо скорчившись. Словно желал продлить это мгновение! И одноклассникам, кажется, это странным не казалось. А вот Владимира Сергеевича неприятно задело. Ревность родительская, что ли?

– Она занимается только с умниками. Да и не нужно мне, на тройку я и сам выучу, а больше я не заслуживаю.

– Это она тебе так сказала?

– Пап, ты меня совсем тупым считаешь? Я что же, сам себя не понимаю?

– Ладно, ты иди, сынок, займись, чем ты там занимался...

– Володя, так нельзя!

– А что можно? У парня каникулы! Ну, давай испортим ему их, будем про учёбу напоминать! Я после каникул поговорю с учителями, с математичкой и физичкой.

– С ними невозможно разговаривать! Ты с директором поговори.

– А директор что преподаёт?

– Тебе лучше знать, – поджала губы мать.

– А, да! Историк он. И как он поможет разобраться в точных науках?

За дверью Слава прыснул. Ну вот, дожили, подслушивает. А с другой стороны, его же обсуждают, как иначе узнать, какие планы у предков на него?

– Ладно, мам, всё потом. Я отдохну немного, ладно?

Он прилёг на диван, включил спортивную программу. Биатлон – это то, что надо. Никогда всерьёз не занимался спортом, только на первом курсе на бокс ходил, потому что надо же было где-то физкультуру отбывать. Но смотреть соревнования всякие любил. Вот и сейчас увлётся, от производственных и семейных проблем отвлётся. Наши неплохо шли.

Тут за дверью шаги тяжёлые. Мать прошла. У дверей так надрывно вздохнула... вот умеет ведь испортить настроение! Гаранин схватился за телефон. Помнится, был училки этой номер... вот! Долго не отвечала, он уже хотел сбросить.

После короткого разговора он обозлился ещё сильнее. Значит, учителя сильно заняты в свой выходной. А ты спроси, бывают ли выходные у производственников! Правда, поминки... против этого не возразишь. И с биатлоном угадала. Ишь ты, проницательная какая. С другой стороны, а что ещё может смотреть мужик днём? Сериал слезливый? А телефон выключить не соизволила, курица. Так, значит, в общежитии живёт. Юлька?! Юлька... точно, он её подвозил много раз к этой психушке. Они тогда ещё смеялись... как там она говорила? Крези что-то там... а, моя крезидентия!

Значит, Юлька приехала повидать коллег. Что же на Новый год в своём нынешнем театре не осталась? Детские ёлки, новогодние корпоративы – это же доходно у артистов. Или остарела уже для роли Снегурочки, а, Юлька? Сколько тебе? Тридцать два. Точно, для Снегурочки старовата, для

бабы-яги рановато, а зайчика играть запаadlo.

Что уж кривить душой, следил он за ней. Издалека, конечно, при поездках в столицу увидеть не пытался. Трудно было обнаружить, ведь не в старом театре с традициями типа МХТ или Вахтанговского, и не в новомодно-скандальном типа театра Виктюка она играла. Нет, это был театр «Под сенью лип», находящийся в далёком райцентре Московской области в полутора часах от Москвы на электричке. Бывший ДК пищевииков, труппа всего несколько лет назад преобразована из студии в профессиональный коллектив. И отнюдь не прямой она там была. При поступлении получила роль Сюзанны во втором составе. Только этот второй состав за пять лет, может, и десяти раз не играл. А больше заметных ролей у неё не было. Так, Лиза в «Сирано» и Шелавина в «Без вины виноватые» – самые крупные. Один раз в сериале засветилась. В 123-й серии «Битвы киллеров» играла любовницу олигарха. Там у неё одна постельная сцена на две минуты, потом сцена допроса, а потом ещё в качестве мёртвого тела присутствует в ходе работы следственной группы. Но эта съёмка была четыре года назад.

А пять лет назад она уговаривала его поехать вместе. В общем-то, он был уверен в её успехе, но дело своё бросить не мог: «Кто я буду при тебе? И как оставить дело? А семья?». «Дело продай, семья пусть здесь остаётся!» Тогда он собрал остатки своего достоинства и сказал: «А может, лучше мы расстанемся?» И на следующий день она уехала в Москву с

Серёгой, его другом с пятого класса. Серёга вернулся через два месяца. Они здороваются.

А бабка эта, которая тётя Зоя, прямо следователь! Значит, они с Юлькой не вместе живут, эти её брат и племянник. И видятся редко. Брат – технолог на подмосковном пищекомбинате. Приличный человек, надо же! Опять мать заглядывает в кабинет. Не отрывая трубы от уха, махнул на неё рукой. Интересно, когда эта училка спохватится, что телефон не отключен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.